

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

A. В. БЕЛЯКОВА

(Отдел охраны правопорядка и профилактики ОВД
администрации Центрального района г. Гомеля)
e-mail: belyakova.anna12@gmail.com

В статье исследуются уголовно-правовые механизмы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь. На основе анализа действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства обосновывается отсутствие единого нормативного определения понятия «уголовно-правовой контроль», а также выявляются особенности квалификации преступлений, связанных с домашним насилием. Определены основные элементы уголовно-правового контроля, включающие уголовно-правовую оценку действий, процессуальные механизмы реагирования и применение мер уголовной ответственности. Сформулированы предложения, направленные на уточнение понятийного аппарата и совершенствование правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям в семейно-бытовых отношениях. Реализация указанных подходов способствует повышению эффективности уголовно-правовой защиты личности и укреплению законности.

Ключевые слова: уголовно-правовой контроль, преступления в сфере семейно-бытовых отношений, противодействие преступности, уголовно-правовая квалификация, уголовно-процессуальные механизмы, правоприменительная практика.

Введение. Семья как базовый социальный институт занимает особое место в системе охраняемых государством общественных отношений. В Республике Беларусь приоритет защиты брака и семьи закреплён на конституционном и отраслевом уровнях. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье государство в сфере социальной политики признаёт защиту брака и семьи, охрану материнства, отцовства и детства одной из приоритетных задач. Аналогичный подход закреплён в Указе Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной политики Республики Беларусь», в котором укрепление нравственных основ семьи и повышение её социального престижа определены в качестве ключевых целей государственной семейной политики.

Вместе с тем наличие дисфункциональных семей, а также распространённость насилиственных форм внутрисемейного взаимодействия свидетельствуют о серьёзных противоречиях между нормативно декларируемыми ориентирами и реальным состоянием общественных отношений. Особую опасность представляют действия, совершаемые в сфере семейно-бытовых отношений и достигающие уровня общественной опасности, достаточного для признания их преступлениями и применения мер уголовно-правового воздействия. Несмотря на отсутствие единой открытой официальной статистики, доступные данные и материалы средств массовой информации позволяют констатировать устойчивую распространённость насилия в семейно-бытовой сфере. По различным оценкам, ежегодно в Республике Беларусь фиксируется от 80 до 90 тыс. сообщений о фактах домашнего насилия, значительная часть которых связана с семьями, воспитывающими несовершеннолетних¹. Так, в Гомельской области в 2024 г. зарегистрировано 229 преступлений, связанных с домашним насилием, что на 7,5% превышает показатели предыдущего года²; при этом 10 преступлений были совершены в отношении детей³. Согласно данным Фонда ООН в области народонаселения, 48,9% женщин в Беларуси подвергались психологическому насилию, а 28,4% – физическому, причём в большинстве случаев свидетелями таких действий становятся несовершеннолетние⁴.

Пострадавшими от преступных посягательств в семейно-бытовой сфере являются не только супруги, но и дети, престарелые родственники, а также иные лица, находящиеся в состоянии социальной или фактической зависимости. По состоянию на 1 июля 2024 г. в Республике Беларусь более 23 тыс. детей из 11 тыс. семей находились в социально опасном положении, что свидетельствует о высокой степени уязвимости несовершеннолетних в условиях внутрисемейных конфликтов⁵. Указанные обстоятельства усиливают общественную опасность соответствующих действий и обуславливают необходимость применения эффективных уголовно-правовых механизмов защиты личности.

¹ URL: <https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2022/04/Rezulaty-issledovaniya-o-rasprostranennosti-nasiliya-v-otnoshenii-zhenshhin.pdf>.

² URL: <https://belta.by/regions/view/pochti-230-prestuplenij-v-sfere-domashnego-nasilija-zafiksrovany-v-janvare-mae-v-gomelskoj-oblasti-639214-2024/>.

³ URL: <https://belta.by/regions/view/v-gomelskoj-oblasti-v-etom-godu-10-detej-stali-zhertvami-domashnego-nasiliya-639217-2024/>.

⁴ См. сноска № 1.

⁵ URL: <https://minsknews.by/bolee-23-tys-detej-v-belarusi-nahodyatsya-v-soszialno-opasnom-polozhenii/>.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, устойчивым характером преступных проявлений в сфере семейно-бытовых отношений, затрагивающих фундаментальные права и свободы личности. Во-вторых, в национальной юридической науке до настоящего времени недостаточно систематизированы подходы к определению содержания и пределов уголовно-правового контроля преступлений, связанных с домашним насилием, что затрудняет формирование целостной модели уголовно-правового противодействия данным деяниям. Нередко в научных исследованиях и правоприменительной практике происходит смешение уголовно-правовых, административно-правовых и профилактических мер, что снижает эффективность правового регулирования.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы познания, включая формально-юридический, системный и сравнительно-правовой анализ. В ходе работы использованы нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, а также труды отечественных и зарубежных исследователей, посвящённые проблемам уголовно-правовой охраны личности и противодействия преступлениям в семейно-бытовой сфере.

Основная часть. В отечественной юридической науке проблематика уголовно-правового контроля как самостоятельного направления государственного воздействия на преступность до настоящего времени разработана фрагментарно. Научные исследования, как правило, затрагивают отдельные аспекты данного феномена применительно к конкретным видам преступности, не формируя целостной концепции уголовно-правового контроля в сфере семейно-бытовых отношений. Одним из первых к анализу уголовно-правового контроля обратился В.А. Андрухов, рассматривавший его в контексте противодействия молодёжной преступности. Учёный исходил из того, что необходимость применения уголовно-правовых мер свидетельствует о снижении эффективности иных форм социального контроля и дефиците механизмов ранней социализации, что обуславливает переход от предупредительных мер к репрессивному воздействию⁶. Несмотря на иную предметную направленность исследования, выводы автора имеют методологическое значение для понимания пределов и функций уголовно-правового контроля как реакции государства на наиболее опасные формы девиантного поведения. Сходный подход прослеживается в диссертационном исследовании А.М. Бжассо, посвящённом социальному контролю преступности несовершеннолетних. Автор подчёркивал, что уголовно-правовой контроль представляет собой крайний, наиболее жёсткий уровень государственного воздействия, эффективность которого во многом зависит от состояния предшествующих форм контроля, основанных на мерах социального и воспитательного характера⁷. Данный вывод позволяет рассматривать уголовно-правовой контроль не изолированно, а как элемент многоуровневой системы противодействия преступности. Отдельные аспекты уголовно-правовой защиты личности в семейно-бытовой сфере затронуты в работе Л.О. Отобаевой, посвящённой защите прав женщин от насилия в семье. Анализируя законодательство Республики Таджикистан, автор пришла к выводу о необходимости совершенствования механизмов мониторинга и оценки правоприменительной практики в сфере уголовно-правового реагирования на насилиственные преступления в семье⁸. Несмотря на сравнительно-правовой характер исследования, обозначенные выводы представляют интерес и для национального правопорядка Республики Беларусь.

Следует подчеркнуть, что в белорусской юридической науке проблема уголовно-правового контроля преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, до настоящего времени не получила системного освещения. Это обуславливает научную новизну настоящего исследования, заключающуюся в попытке определить содержание, границы и элементы уголовно-правового контроля применительно именно к преступлениям, связанным с домашним насилием, а не к совокупности правонарушений в широком смысле.

В современной юридической литературе отсутствует универсальное нормативно закреплённое определение понятия «уголовно-правовой контроль». Научные подходы к его пониманию носят дискуссионный характер и, как правило, ограничиваются анализом отдельных функций уголовного права. Так, А.М. Бжассо рассматривал уголовно-правовой контроль как структурный элемент социального контроля, реализуемый через деятельность государственных органов, надёжными карательными и принудительными полномочиями. При этом автор противопоставлял его конвенциальному контролю, основанному на добровольных и профилактических мерах социального воздействия. По мнению Л.Р. Клебанова, сущность уголовно-правового контроля проявляется в применении государством специальных методов воздействия, направленных на охрану наиболее значимых общественных отношений. Учёный выделял общие методы убеждения и принуждения, а также специальные уголовно-правовые средства, включающие превенцию, пресечение преступлений и реализацию уголовной ответственности [1]. Данный подход позволяет рассматривать уголовно-правовой контроль как целенаправленную деятельность государства по реагированию на преступные посягательства. А.К. Бекряшев, анализируя уголовно-правовой контроль в сфере противодействия экономической преступности, определял его как специализированную форму государственной деятельности, направленную на реализацию уголовной политики посредством совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Особое внимание автор уделял

⁶ Андрухов В.А. Структурные уровни контроля воздействия молодёжной преступности в современной России и регионе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Краснодар, 2009. – 26 с.

⁷ Бжассо А.М. Социальный контроль преступности несовершеннолетних в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2001. – 36 с.

⁸ Отобаева Л.О. Охрана личных прав и свобод женщин в семейно-бытовой сфере: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 25 с.

принципу баланса интересов, предполагающему соразмерность уголовно-правового вмешательства, эффективность пресечения преступлений и одновременное обеспечение прав и свобод личности [2]. Указанный принцип имеет фундаментальное значение и для уголовно-правового контроля преступлений в семейно-бытовой сфере, где затрагиваются интересы как потерпевших, так и иных участников семейных отношений.

Обобщение приведённых научных подходов позволяет выделить ключевые признаки уголовно-правового контроля:

- превентивную направленность, выражющуюся в предупреждении совершения преступлений посредством угрозы уголовной ответственности;
- баланс публичных и частных интересов, обеспечивающий соразмерность уголовного преследования и защиту прав личности;
- системность, проявляющуюся во взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права;
- динамичность, обусловленную развитием уголовной политики и адаптацией законодательства к изменяющимся социальным условиям.

Исходя из этого, уголовно-правовой контроль преступлений, связанных с домашним насилием, следует рассматривать как совокупность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств, направленных на выявление, квалификацию, пресечение и расследование преступных деяний, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, а также привлечение виновных к уголовной ответственности. При этом необходимо чётко определить понятийные границы исследования.

В нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует легальное определение понятия «преступления в сфере семейно-бытовых отношений». Вместе с тем в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» закреплено определение «домашнего насилия», которое охватывает умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера между лицами, находящимися в близких семейных или фактических отношениях. Указанная дефиниция имеет значение, прежде всего, для профилактической и административно-правовой деятельности и не подменяет собой уголовно-правовые категории. В рамках настоящего исследования понятие домашнего насилия используется исключительно как социально-правовой контекст, в пределах которого совершаются конкретные преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь, и в отношении которых реализуются меры уголовно-правового контроля. Несмотря на формальную определённость легальной дефиниции «домашнего насилия», закреплённой в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», указанное понятие носит преимущественно профилактико-административный характер и не предназначено для целей уголовно-правовой квалификации. Законодатель использует данную дефиницию для регламентации мер предупреждения и межведомственного взаимодействия, а не для установления оснований уголовной ответственности. В этой связи следует подчеркнуть, что попытки расширительного толкования понятия «домашнее насилие» путём включения в него экономического, эмоционального либо контролирующего поведения выходят за рамки действующего уголовного законодательства Республики Беларусь. Подобные формы негативного воздействия могут иметь значение лишь постольку, поскольку они образуют способы совершения конкретных преступлений либо учитываются при оценке обстоятельств дела, но не выступают самостоятельными уголовно-правовыми категориями.

В рамках настоящего исследования понятие домашнего насилия используется исключительно как социально-правовой контекст, в пределах которого совершаются преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь. Уголовно-правовой контроль в данной сфере реализуется не через обобщённое понятие насилия, а посредством квалификации конкретных преступных деяний против жизни, здоровья, половой свободы, чести и достоинства личности. При этом профилактическая деятельность, направленная на предупреждение насильтвенных форм поведения в семье, не относится к числу уголовно-правовых механизмов в строгом смысле слова, однако имеет существенное значение для формирования условий, препятствующих эскалации конфликта до уровня преступления.

Профилактика образует смежный, предкриминальный уровень государственного воздействия и способствует снижению криминогенных рисков в семейно-бытовой сфере. Базовым нормативным актом, регулирующим профилактику домашнего насилия, является Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В ст. 17 данного закона определены субъекты профилактической деятельности и механизмы их взаимодействия. В систему профилактики вовлечены органы внутренних дел, исполнительные и распорядительные органы, органы социальной защиты, учреждения образования и здравоохранения, а также иные уполномоченные субъекты. Особое значение в рамках профилактической политики государства придаётся защите прав несовершеннолетних. Соответствующие меры закреплены в Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Указанный нормативный акт регулирует порядок выявления детей, находящихся в социально опасном положении, а также меры их социально-психологической и педагогической реабилитации. Закреплённая в законе роль учреждений образования обуславливает необходимость подготовки педагогов и школьных психологов к выявлению признаков жестокого обращения и своевременной передаче информации в компетентные органы.

Следующим смежным элементом системы государственного реагирования выступают процедуры фиксации и учёта сообщений о фактах домашнего насилия, регламентированные Алгоритмом взаимодействия по обмену, учёту и использованию информации о фактах домашнего насилия, утверждённым Министерствами

внутренних дел, здравоохранения, образования, труда и социальной защиты Республики Беларусь. Указанный Алгоритм определяет порядок регистрации сообщений, межведомственный обмен информацией и её последующее использование в профилактических и правоприменительных целях. Действующая система учёта направлена на обеспечение оперативности реагирования и защиту пострадавших лиц, однако сама по себе не образует уголовно-правовой контроль, поскольку применяется до возбуждения уголовного дела и не связана с реализацией уголовной ответственности. Вместе с тем анализ практики её применения выявляет ряд проблем, включая недостаточную информированность пострадавших о доступных механизмах защиты, необходимость регулярного обновления алгоритмов взаимодействия и отсутствие единой аналитической базы данных, позволяющей выявлять устойчивые криминогенные тенденции.

К числу досудебных мер защиты относится и институт защитного предписания, предусмотренный ст. 31 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Защитное предписание представляет собой временное ограничение определённых действий лица, допустившего насильственное поведение, и направлено на обеспечение безопасности пострадавшего. Установленные запреты могут включать ограничение контактов, временное выселение либо иные меры, не связанные с уголовным наказанием. Следует подчеркнуть, что защитное предписание не является мерой уголовно-правового характера и применяется независимо от возбуждения уголовного дела. Его значение заключается в предотвращении повторных насильственных действий и создания условий для последующего правового реагирования в случае выявления признаков преступления. Применение защитного предписания осуществляется органами внутренних дел в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Инициатива вынесения защитного предписания может исходить как от пострадавшего лица, так и от уполномоченных государственных органов в случаях, когда пострадавший по объективным причинам не способен самостоятельно реализовать свои права и законные интересы. Защитное предписание вступает в силу немедленно после его вынесения, а его содержание подлежит обязательному разъяснению лицу, в отношении которого оно применяется. Установленные ограничения действуют в течение 15 календарных дней с возможностью продления в установленном законом порядке. Контроль за исполнением защитного предписания возлагается на органы внутренних дел, а его действие прекращается по истечении срока либо при завершении производства, послужившего основанием для его вынесения.

Таким образом, наряду с межведомственными алгоритмами взаимодействия институт защитного предписания выступает важной мерой досудебной защиты пострадавших от насильственного поведения в семейно-бытовой сфере. Вместе с тем данная мера не относится к уголовно-правовым средствам воздействия и применяется на докриминальной стадии, выполняя функцию временной изоляции сторон конфликта и предупреждения возможной эскалации насилия до уровня преступления.

В зависимости от характера и степени общественной опасности совершённого деяния, следующим этапом государственного реагирования становится реализация уголовного судопроизводства. Уголовно-правовой контроль в строгом смысле слова начинается с момента выявления признаков преступления и осуществляется посредством возбуждения уголовного дела, уголовно-правовой квалификации деяния и рассмотрения дела судом в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. Судебное разбирательство по уголовным делам, возникающим в сфере семейно-бытовых отношений, осуществляется в общем процессуальном порядке с соблюдением принципов законности, состязательности и обеспечения прав участников процесса. Анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь позволяет выявить ряд проблемных аспектов, затрудняющих эффективную реализацию уголовно-правового контроля преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере.

Во-первых, отсутствие в уголовном законодательстве специального понятия «преступления в сфере семейно-бытовых отношений» обуславливает необходимость квалификации таких деяний по общим составам преступлений против личности. Данный подход в целом соответствует принципам уголовного права и не требует введения самостоятельной категории преступлений, однако на практике осложняет систематизацию правоприменительной деятельности и статистического учёта.

Во-вторых, отдельные формы противоправного поведения, выражющиеся в систематическом психологическом давлении, угрозах, ограничении свободы поведения потерпевшего, не всегда образуют самостоятельный состав преступления и подлежат уголовно-правовой оценке лишь в совокупности с иными обстоятельствами дела. Это требует от правоприменителя повышенного внимания к установлению фактических признаков деяния и недопущения расширительного толкования уголовного закона, противоречащего принципу законности. В этой связи представляется более обоснованным не механическое расширение уголовно-правовых запретов, а развитие единобразных подходов к квалификации преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, включая разъяснение признаков насилия, угроз, принуждения и зависимости в рамках уже существующих составов преступлений Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Особое значение для реализации уголовно-правового контроля имеет корректное применение норм уголовно-процессуального законодательства. Так, ч. 5 ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, закрепляющая понятие «иная зависимость потерпевшего от обвиняемого», требует более чёткого толкования в правоприменительной практике. Отсутствие ясных критериев указанной зависимости может затруднять оценку доказательств и принятие процессуальных решений, что особенно актуально для уголовных дел, возникающих из внутрисемейных конфликтов.

Таким образом, совершенствование уголовно-правового контроля преступлений, связанных с домашним насилием, следует связывать не с расширением уголовной репрессии, а с повышением качества правоприменения, обеспечением точности уголовно-правовой квалификации и развитием процессуальных гарантий защиты прав личности:

– *Интеграция принципов добровольности и инклузивности.* Необходимо обеспечить участие сторон в процедурах примирения на основе принципа добровольности. Участники должны обладать правом самостоятельно принимать решение об участии в восстановительном диалоге с учётом собственных интересов и психологической готовности. Для этого требуется создание безопасной и нейтральной среды, в которой пострадавшие и правонарушители могут выражать свои позиции, оценки и ожидания без риска дополнительной виктимизации. Целесообразным является развитие информационных и просветительских программ, разъясняющих права участников, цели и правовые последствия применения восстановительных процедур.

– *Повышение уровня профессиональной подготовки медиаторов (фасилитаторов).* Лица, осуществляющие проведение восстановительных программ, должны обладать не только юридическими и коммуникативными компетенциями, но и базовыми навыками психологической и эмоциональной чувствительности, необходимыми для работы с конфликтными ситуациями в семейно-бытовой сфере. Это позволяет учитывать индивидуальные особенности участников, минимизировать коммуникативные барьеры и обеспечивать равноправный характер взаимодействия. Подготовка медиаторов может осуществляться в рамках специализированных образовательных и сертификационных программ с участием уполномоченных государственных органов и организаций, реализующих деятельность в сфере защиты прав человека.

– *Расширение общественного информирования о восстановительном правосудии.* Представляется необходимым повышение уровня осведомлённости о восстановительных механизмах не только среди специалистов и представителей правоохранительных органов, но и среди населения в целом. Формирование понимания сущности восстановительного подхода как дополнительного правового инструмента, направленного на разрешение конфликтов и компенсацию причинённого вреда может способствовать более взвешенному отношению к альтернативным формам реагирования на преступления небольшой и средней тяжести. Целесообразно проведение информационных мероприятий, тематических семинаров и обучающих программ, посвящённых вопросам медиации и примирительных процедур в семейно-бытовых конфликтах.

– *Развитие системы поддержки и подотчётности участников восстановительных процедур.* Для обеспечения эффективности восстановительных механизмов необходимо формирование процедур мониторинга исполнения достигнутых соглашений, а также организация психологической и социальной поддержки участников. Особое значение имеет сопровождение потерпевших в процессе восстановления, включая возможность получения консультационной помощи специалистов. В отношении правонарушителей целесообразно использование программ ресоциализации и коррекционного воздействия, направленных на формирование навыков ненасильственного поведения и снижение риска повторных противоправных действий.

– *Создание безопасных пространств для диалога.* Эффективность восстановительных процедур во многом обусловлена обеспечением условий приватности, конфиденциальности и нейтральности места проведения примирительных встреч. Такие условия способствуют снижению эмоционального напряжения и формированию атмосферы, необходимой для конструктивного диалога сторон. Проведение встреч в нейтральных пространствах при участии квалифицированного медиатора создаёт предпосылки для достижения взаимоприемлемых решений и восстановления нарушенных социальных связей.

Таким образом, развитие восстановительных элементов уголовного судопроизводства в Республике Беларусь требует комплексного подхода, предусматривающего совершенствование нормативной базы, повышение уровня профессиональной подготовки специалистов, формирование устойчивых представлений о правовой природе восстановительных процедур, а также создание институциональных условий, обеспечивающих безопасное и добровольное участие сторон. Реализация указанных мер позволит усилить гуманистическую направленность уголовно-правовой системы, повысить эффективность защиты прав потерпевших и создать дополнительные предпосылки для ресоциализации лиц, совершивших преступления.

Заключение. Проведённое исследование уголовно-правового контроля преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь, позволило установить, что действующая правовая система в целом содержит необходимые нормативные предпосылки для защиты личности, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании как в нормативном, так и в организационно-практическом аспектах. Несмотря на наличие законодательных основ профилактики правонарушений и мер защиты пострадавших, в правоприменительной практике сохраняются отдельные проблемы, затрудняющие своевременное выявление и эффективное реагирование на преступные проявления в семейно-бытовой сфере.

Установлено, что современное законодательство Республики Беларусь не содержит универсального нормативного определения понятия «уголовно-правовой контроль», а также систематизированного подхода к отражению особенностей преступлений, совершаемых в условиях внутрисемейных отношений. Это обуславливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления содержания уголовно-правового контроля и выработки единообразных подходов к квалификации соответствующих деяний в рамках уже существующих составов преступлений, без расширительного толкования уголовного закона.

Особое значение имеет корректное понимание и применение норм, направленных на охрану половой свободы и неприкосновенности личности. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за насильственные действия сексуального характера независимо от характера отношений между потерпевшим и виновным. Вместе с тем правоприменение данных норм в семейно-бытовой сфере осложняется высокой латентностью таких преступлений и доказательственными трудностями, что требует повышения качества процессуальной деятельности и соблюдения баланса прав всех участников уголовного процесса.

Важным направлением повышения эффективности уголовно-правового контроля является укрепление предиктивного компонента государственного реагирования. Профилактическая деятельность должна основываться на межведомственном взаимодействии органов внутренних дел, прокуратуры, учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты, а также иных субъектов, вовлечённых в систему предупреждения правонарушений. Существенную роль при этом играют информационно-просветительские меры, направленные на повышение правовой грамотности населения и формирование ответственного отношения к семейным обязанностям.

Необходимым условием повышения эффективности защиты пострадавших является дальнейшее совершенствование механизмов учёта и реагирования на сообщения о насильственных действиях в семейно-бытовой сфере. Своевременная фиксация информации, межведомственный обмен данными и надлежащий контроль исполнения досудебных мер защиты способствуют снижению риска повторной виктимизации и обеспечению оперативности правового реагирования.

Перспективным направлением развития уголовно-правового контроля является аккуратное использование восстановительных элементов уголовного судопроизводства в пределах, допускаемых действующим законодательством. Применение примирительных процедур и коррекционных программ не подменяет уголовную ответственность, но может дополнять её в целях компенсации причинённого вреда и снижения вероятности повторных правонарушений. Включение таких элементов в правоприменительную практику способствует укреплению доверия к правосудию и формированию культуры ответственности и уважения к личности.

Таким образом, последовательное совершенствование правоприменительной практики, развитие профилактических и восстановительных механизмов, а также повышение координации деятельности государственных органов в сфере противодействия преступлениям в семейно-бытовых отношениях позволяют сформировать более целостную и сбалансированную модель уголовно-правового контроля. Реализация данных подходов будет способствовать укреплению правопорядка, защите конституционных прав граждан и повышению социальной устойчивости общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Клебанов Л.Р. Уголовно-правовой контроль за сохранностью памятников истории и культуры // Законность. – 2011. – № 7(921). – С. 23–28.
- Бекряшев А.К. Уголовно-правовой контроль над экономической преступностью в России [Электронный ресурс]. – URL: http://old.nasledie.ru/fi/6_8/kniga1/article.php?art=71 (дата обращения: 10.12.2024).

Поступила 24.10.2025

CRIMINAL-LAW CONTROL IN THE FIELD OF FAMILY AND DOMESTIC OFFENSES

A. BELYAKOVA
*(The Law Enforcement and Prevention Department of the Internal Affairs
Department of the Central District Administration of Gomel)*

The article examines criminal law mechanisms for counteracting crimes committed in the sphere of family and domestic relations in the Republic of Belarus. Based on an analysis of current criminal and criminal procedural legislation, the absence of a unified statutory definition of the concept of "criminal law control" is substantiated, and specific features of the qualification of crimes related to domestic violence are identified. The main elements of criminal law control are defined, including the criminal law assessment of acts, procedural response mechanisms, and the application of criminal liability measures. Proposals aimed at clarifying the conceptual framework and improving law enforcement practice in counteracting crimes in the family and domestic sphere are formulated. The implementation of these approaches contributes to enhancing the effectiveness of criminal law protection of the individual and strengthening the rule of law.

Keywords: criminal law control, crimes in the sphere of family and domestic relations, crime prevention, criminal law qualification, criminal procedural mechanisms, law enforcement practice.